

**РЕФОРМЫ ПО УПРАВЛЕНИЮ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПЬЮ
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.***М. С. Горяев*

Для более полного и ясного понимания процессов, происходящих в современном российском обществе, оценки современного состояния субъектов Российской Федерации, в особенности положения национальных республик, необходимо изучение предшествующих периодов истории Российского государства. При поиске наилучшей модели государственного устройства вполне закономерно обращение к историческому прошлому, изучению взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти. В связи с этим на сегодняшний день актуальными представляются вопросы развития государственных институтов России.

Историографию национально-государственного строительства Калмыкии как одного из субъектов Российского государства можно разделить на следующие три этапа: дооктябрьский, советский и современный. Дооктябрьский период историографии характерен сбором сведений и наблюдений, публикацией источников, преимущественно законодательных. Изучение Калмыкии в естественно-географическом, историческом и этнолингвистическом плане стало привлекать внимание исследователей со второй половины XVIII в. Это объясняется как развитием науки, так и потребностью российского правительства располагать сведениями о калмыках, их истории, культуре, хозяйстве и быте. Подъем в социально-экономическом и культурном развитии России неотделим от деятельности Академии наук и организованных ею экспедиций, участники которых проявили значительный интерес к изучению народов России, в том числе и калмыцкого. В России начинают закладываться основы новой научной отрасли познания — калмыковедения, в которой постепенно формируется историческое направление. Наиболее значительными в этой области являются труды В. М. Бакунина [1995], П. С. Палласа [1773], И. И. Лепехина [1795], И. Г. Георги [1799], Н. И. Страхо-

ва [1810], Н. Я. Бичурина [1991], Н. А. Нефедьева [1834], П. И. Небольсина [1852], К. И. Костенкова [1870], Ф. И. Леонтовича [1879], К. Ф. Голстунского [Монголо-ойратские законы 1640 г.], М. Г. Новолетова [1884], А. М. Позднеева [1886], П. И. Рычкова [1887] и Н.Н. Пальмова [1922].

Советский этап характеризуется попыткой анализа процесса становления и развития государственности у калмыков, когда определяются причины ликвидации Калмыцкого ханства и утверждения системы попечительства над калмыками. Однако ряд вопросов истории калмыцкой государственности и права рассматривался с позиций марксистской догматики. Советский период историографии проблемы можно разделить на два этапа. Для 20–30-х гг. XX в. характерным явилось сочетание работ исследователей традиционного либерально-демократического направления с исследованиями, утверждавшими новые марксистские принципы [Владимирцов 1934]. С конца 1930-х гг. наступило затишье, связанное со сталинскими репрессиями, прерванное лишь с середины 1960-х гг., когда наступил второй этап советской историографии изучаемой проблемы, длившийся до середины 1980-х гг. Особенностью истории Калмыкии на этом этапе являлось то обстоятельство, что вначале создавались обобщающие работы «Очерки истории Калмыцкой АССР» [Очерки истории 1967], монография У. Э. Эрдниева «Калмыки» [1970].

Содержанием современного этапа историографии является возросший интерес к изучению обычаев и традиций калмыков, пересмотр характера истории государственных учреждений в дооктябрьской Калмыкии. В этом контексте надо отметить работы М. М. Батмаева [1993], В. И. Колесника [2003], А. Г. Митирова [1998], К. Н. Максимова [2000, 2002], посвященные широкому кругу проблем, а также коллективный труд «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [История Калмыкии 2009].

При этом государственные и правовые институты Калмыкии, одного из субъектов Российского государства, остаются на сегодняшний день недостаточно изученными, т. к. рассматривались лишь фрагментарно при анализе политики российского правительства, административно-территориального деления и социальной структуры Калмыцкой степи, ее политических отношений с соседними народами. Предметом исследования данной статьи является система органов государственной власти и управления Калмыкии в составе России в последней трети XVIII – начале XIX в.

После откочевки в 1771 г. значительной части калмыков в Джунгарию Калмыцкая степь стала составной частью Астраханской губернии, в административном отношении подчиняясь астраханскому губернатору. Общее же управление калмыцкими делами возлагалось на специальную структурную часть канцелярии астраханского губернатора — экспедицию калмыцких дел. В ноябре 1775 г. российское правительство провело большую реформу в области местного управления. В результате реформы губернии были разукрупнены, на основе нескольких губерний предусмотрено наместничество или генерал-губернаторство. В соответствии с принципами проводимой реформы в мае 1785 г. было образовано Кавказское наместничество, в состав которого вошли Кавказская и Астраханская губернии вместе с кочующими калмыками. Для управления делами калмыков в 1786 г. распоряжением астраханского губернатора П. С. Потемкина, одновременно исполнявшего обязанности наместника, была учреждена Калмыцкая войсковая канцелярия, преобразованная в 1788 г. в Калмыцкую канцелярию [Пальмов 1992: 116]. В 1796 г. Астраханская губерния выделилась в самостоятельную административно-территориальную единицу со своим административным управлением. Соответственно в 1797 г. было создано Калмыцкое правление, в ведении которого находились улусы торгутов, дербетов, хошутов в составе 13059 кибиток, не считая донских калмыков, что приблизительно равно 60 тыс. человек [Максимов 2002: 154].

В начале XIX в. начинается новый этап развития самоуправления Калмыцкой степи. Император Павел I, рассмотрев поло-

жение калмыков и учитывая возросшую численность населения, пришел к выводу, что калмыцкую проблему следует решать в целом, как единого народа, а не по улусам. Всемиловнейшей грамотой от 14 октября 1800 г. Павел I, «утверждая прежние калмыцкие права», назначил наместником «в калмыцком народе нам подданном» Чучея Тундутова, владельца Малодербетовского улуса, а также определил территорию Калмыкии в прежних границах: «...от Царицына по рекам Волге, Сарпе, Сялу, Манычу, Куме и взгорью простирающиеся, и другие места, по коим предместники ваши кочевье имели, опричь тех, кои именными улусами уже пожалованы» [ПСЗ РИ, 26. № 19599: 340]. Вместо Калмыцкого правления для управления и местного судопроизводства при наместнике учреждался суд Зарго в составе восьми человек [Пальмов 1992: 122]. В тот же день была подписана и Жалованная грамота «О свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков». Главой калмыцкого духовенства был утвержден Сойбин-бакши [ПСЗ РИ, 26. № 19600: 341].

В штат управления Калмыцкой степи вводилась отдельная должность Главного пристава «при всем калмыцком народе» с помощниками — частными приставами по улусам [Очерки истории 1967: 242; Пальмов 1992: 120]. Это высшее должностное лицо в Калмыкии выступало представителем центральной власти, Коллегии иностранных дел, с правом участия в управлении калмыцкими делами и защиты ее интересов. Главный пристав, имея высокий ранг российского государственного чиновника, был промежуточным, связующим звеном центра с местной властью в целях укрепления исполнительной власти Калмыкии, а также вертикальной власти царской администрации на территории. Основная задача Главного пристава и частных приставов по улусам состояла в консолидации феодальной правящей верхушки, осуществлении надзора в охране порядка, участия в судебных разбирательствах. Кроме того, Главный пристав со своими помощниками обязан был бдительно следить за происходящими процессами в калмыцком обществе и постоянно информировать соответствующие инстанции.

Однако постоянный контроль, мелочная опека и надзор со стороны Главного

пристава Калмыцкой степи Н. И. Страхова за работой наместника, Зарго и его членов вызывали, по всей вероятности, у них недовольство и раздражение. В результате взаимного недоверия и неприязни в центральные органы власти стали поступать жалобы, заявления, как с одной стороны, так и с другой, с обвинениями друг против друга. Н. И. Страхов в письмах и донесениях в Коллегию иностранных дел, вице-канцлеру князю А. Б. Куракину, Главноуправляющему в Грузии и на Кавказской линии князю П. Д. Цицианову вносил предложения о ликвидации должности наместника и реорганизации Зарго, о выработке нового законодательства по управлению Калмыкией.

В сложившейся ситуации во взаимоотношениях между представителем центральной и местной властей и в связи с курсом на укрепление самодержавия Александр I по предложению Коллегии иностранных дел подписал 26 октября 1803 г. Именной указ «О подчинении Главного пристава при калмыцком народе и Суда их Зарго астраханскому военному губернатору», по которому все должностные лица по калмыцким делам должны были обращаться в центральные органы власти только через астраханского губернатора, который наиболее важные вопросы в свою очередь должен был разрешать только с ведома Коллегии иностранных дел. В данном указе не упоминалось о должности наместника Калмыкии, она была просто обойдена молчанием. Таким образом, должность наместника практически упразднилась. В связи с этим улусные владельцы по согласованию с Зарго стали утверждаться императором. Постепенно Зарго был лишен административно-управленческих функций и полностью превращен в судебный орган с ограниченными полномочиями лишь по гражданским делам (с ценой иска от 25 до 5 руб.). Более крупные гражданские дела, а также все уголовные решались в уездных, верхних земских судах, в астраханской губернской судебной палате в соответствии с российским законодательством.

В те же годы были предприняты попытки решить территориальную проблему калмыков с учетом численности населения и его скота, а также с учетом земель, отведенных и розданных помещикам, казенным поселенцам. Именными указами от 31 мая и 12 июня 1803 г. саратовскому гражданско-

му губернатору и Главноуправляющему в Грузии и на Кавказской линии поручалось организовать и провести работу по отводу и закреплению за калмыками земель в Астраханской и Саратовской губерниях. При этом особо подчеркивалось, чтобы калмыки имели доступ к Волге, оставили в прежних размерах территорию для кочевий владельца Тюменя между Ахтубой и Волгой [Пальмов 1992: 120].

Таким образом, можно утверждать с долей уверенности, что император Павел I Всемиловитвейшей грамотой от 14 октября 1800 г. открыл новый период в истории Калмыкии, восстановив ее в качестве субъекта России на правах особой губернии с местным самоуправлением, подконтрольным органам центральной власти. При этом учитывались национальная специфика и традиции, опыт действовавшей системы местного самоуправления и взаимоотношения с центральными органами власти. В организации же административно-территориального управления Калмыкии проявились как наиболее общие признаки, схожие с управлением губернией (конкретная территория; наместник, ответственный перед императором; общесословный суд — Зарго при наместнике), так и наместнического правления; императором назначалось высшее духовное лицо — лама, выступающий и как государственный чиновник. В связи с этим вопрос о восстановлении в этот период Калмыцкого ханства является спорным, поскольку Калмыкия не обладала признаками национального суверенитета и не имела своей определенной системы государственного управления, допускавшей достаточную самостоятельность во внутренних делах [Очерки истории 1967: 242; Бурчинова 1985: 51; Национальные окраины: 53]. В данном случае мы можем говорить скорее о предоставлении Калмыкии статуса административной автономии, нежели политической.

В целом проводимые реформы управления в последней трети XVIII – начале XIX в. свидетельствовали о продолжавшихся поисках путей совершенствования управления, определения правового положения и места Калмыкии в Российском государстве, форм и механизмов взаимоотношений Калмыкии с центральными и соседними губернскими властями.

Источники и литература

- Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 г.; предисл. В. Разумовской. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII вв.: события, люди, быт. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.
- Бичурин Н. Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Изд. 2-е изд. / предисл. В. П. Санчирова. Серия: Наше наследие. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Бурчинова Л. С.* Калмыкия в системе государственного управления России // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. С. 48–56.
- Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 223 с.
- Георги И. Г.* Описание обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, вероисповеданий и прочих достопамятностей. В IV ч. Ч. IV: О народах монгольских. СПб.: Импер. акад. наук, 1799. 315 с.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1.* Элиста: ГУ «Издательский дом „Герел“», 2009. 848 с.
- Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2003. 285 с.
- Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Тип. С. Нусвальта, 1870. 170 с.
- Леонтович Ф. И.* К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий (ойратский) устав взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879. 286 с.
- Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. 1768–1769 гг. СПб., 1795. Т. 1. С. 448–452.
- Максимов К. Н.* История национальной государственности калмыков (начало XVII–XX вв.). М.: Профиздат, 2000. 312 с.
- Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 524 с.
- Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Монголо-ойратские законы 1640 г.*, дополнительные указы Галдан-хун-тайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши / калм. текст с рус. пер. и примеч. К.Ф. Голстунского. СПб.: Тип. АН, 1880. 143 с.
- Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов.* М.: Славянский диалог, 1998. 416 с.
- Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 190 с.
- Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 277 с.
- Новолетов М. Г.* Калмыки: исторический очерк. СПб., 1884. 79 с.
- Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктябрьский период.* М.: Наука, 1967. 479 с.
- Паллас П. С.* Путешествия по разным провинциям Российской империи. СПб.: Тип. при Импер. АН, 1773. 657 с.
- Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922. 2-е изд. Элиста: Калм. гос. изд-во, 1992. 137 с.
- Позднеев А. М.* Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 244. Отд. 2. С. 140–171.
- Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (1649–1825).* В 45 тт. Т. 26. СПб.: Тип. 2 Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 875 с.
- Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург: изд. на ср-ва Ф.И. Базилевского, 1887. 406 с.
- Страхов Н. И.* Нынешнее состояние калмыцкого народа с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 23 с.
- Эрдниев У. Э.* Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.